

Личному советнику Цяню, увы, суждено было разочароваться: едва отправленная им пожилая служанка переступила порог, как оказалась в самом эпицентре бурного скандала.

Как выяснилось, госпожа Ма послала свою доверенную служанку к супругу с вестью о том, что их старший сын занемог — у мальчика поднялся жар. Пожалуй, господину Ма, как супругу и отцу, следовало бы навестить больного законного наследника, выказав тем самым заботу и уважение к семье.

Однако наложница Жуюй лишь весело усмехнулась:

— О господин, вы же не лекарь. Неужто от одного вашего взгляда нашему молодому барину сразу полегчает?

Эти слова мгновенно укрепили уездного судью Ма в мысли, что его законная супруга опять затевает какую-то каверзу.

Ма Чун давно охладел к жене, но деваться ему было некуда. Без её приданого и связей влиятельной родни он, неопытный чужак в этих краях, мигом оказался бы беззащитен перед местными интриганами. Разве мог он допустить, чтобы его сожрали живьем?

Его старший зять растерял прежнее влияние и к тому же враждовал с нынешним префектом. Сам Ма Чун на праздник Дуанью даже не осмелился явиться к префекту на поклон, поскольку у него не нашлось достойного подношения. Госпожа Ма, давно ненавидевшая наложницу Жуюй, в самый канун праздника нарочно утаила приготовленные дары, лишив мужа возможности выказать почтение начальству.

Разгневанный господин Ма тогда так и не поехал в префектуру. Он лишь отправил своего личного советника с ценным подарком, но это, разумеется, не могло заменить личного визита.

С тех пор судья затаил на супругу глубокую обиду. И надо же — теперь госпожа Ма снова пыталась манипулировать им, прикрываясь недугом старшего сына!

Осенний зной в этих краях стоял беспощадный, и лихорадка в такую пору могла обернуться бедой. Однако ядовитое замечание Жуюй попало в цель. Досадую, господин Ма резко взмахнул широким рукавом и опустил обратно в кресло, хотя уже собирался уходить:

— Ступай и пошли за лекарем! Я у вас не чудотворец, чтобы одним своим присутствием исцелять от болезней.

Служанка растерялась. Госпожа строго-настрого велела ей привести хозяина, ведь приближался праздник Середины осени. Прошлый их раздор дорого обошелся обоим: желая уколоть мужа, супруга отказалась дать денег на подкуп префекта, из-за чего господин Ма теперь и смотреть на неё не желал. Втайне госпожа Ма уже раскаивалась — в конце концов, карьера супруга была залогом её собственного благополучия.

И всё же упрямая гордость и жгучая ненависть к молодой сопернице мешали ей пойти на попятную первой. Но недавно из родного дома пришло письмо: родня госпожи Ма решила расширить торговое дело и открыть на севере новые лавки. Они нацелились на их уездный город — планировали открыть здесь зерновую лавку и трактир. А проведав, что неподалеку расквартирован крупный военный лагерь, задумали развернуть купеческое подворье. Если удастся наладить связи с армейским снабжением... Господские чины из Северного лагеря ворочают такими суммами, что даже крохи с их стола обеспечат купцам безбедную жизнь на годы вперед.

Пусть война на северных границах утихла три года назад, снабжение войск шло бесперебойно. А там, где стоят полки, торговля всегда процветает.

Именно поэтому госпожа Ма ухватилась за предлог, когда её старший сын тайком пригубил крепкого вина, припасенного для отца. Мальчик захмелел, а его мать тут же объявила, что у ребенка сильный жар, и поспешила позвать мужа. Она рассчитывала за ужином завести разговор о предстоящих праздничных визитах.

После долгой беседы муж наверняка остался бы на вечернюю трапезу. Госпожа Ма даже велела кухаркам приготовить побольше острых блюд, до которых судья был большой охотник. От такой еды его всегда бросало в пот, одежда мокла, и ему приходилось переодеваться в чистое сухое белье. Разумеется, после этого он уже никуда бы не пошел и остался ночевать в покоях законной супруги...

А если затеплить особые благоволия, то и до супружеских ласк дело дойдет. Недаром в народе говорят: «Муж с женой бранятся — на подушках мирятся». Не станет же он вечно дуться на собственную супругу.

Её старший брат преуспевал на службе, младший славился ученостью, за душой у неё оставалось богатое приданое, да и детей она ему родила.

«Куда он денется? — высокомерно рассуждала она. — Не посмеет же он дать мне развод!»

Если чиновник потакает наложнице в ущерб законной супруге, это считается несмываемым позором. В личной оценке Министерства чинов подобный проступок обернется жирным пятном на репутации. На карьере такого глупца можно ставить крест: в лучшем случае его до конца дней сошлют в какую-нибудь глухую, нищую дыру на окраине империи.

Пожилая служанка прекрасно знала о планах хозяйки, но что ей оставалось делать после столь резкого отпора господина Ма?

— Чего застыла? Живее! — раздраженно прикрикнул уездный судья, даже не удостоив служанку взглядом.

В своем доме он желал видеть лишь нежных юных девиц, статных служанок да ласковых,

искушенных наложниц. А законная супруга? К ней он давно испытывал лишь глухое раздражение. Ради приличия он терпел её присутствие, но позволять ей садиться себе на шею не собирался — особенно здесь, в Обители Жуюй, где он привык чувствовать себя полноправным господином. Поэтому и в этот раз он без малейших колебаний отверг зов супруги.

Поняв, что спорить бесполезно, служанка поспешила уйти. Выслушав её отчет, госпожа Ма в ярости вскочила с места:

— Неужели он настолько очерствел?!

Перед господином Ма служанка вела себя тише воды ниже травы, но наедине с хозяйкой смела говорить без утайки:

— Ох, госпожа, всё эта тварь Жуюй виновата! Хозяин ведь уже поднялся и готов был пойти со мной, как вдруг эта мерзавка подала голос...

Служанка в красках описала случившееся в покоях наложницы.

Госпожа Ма в бешенстве швырнула наземь дорогой фарфоровый кубок:

— Идём в Обитель Жуюй! Своими глазами хочу увидеть, неужто он и впрямь решил потакать наложнице и попрасть права законной жены!

<http://bllate.org/book/19387/1997462>